

ИНТЕРВЬЮ

Григорий Косач: Революции арабских различинцев

Дискуссии об арабских революциях, охватившие значительную часть российского общества, спровоцировали появление множества теорий, интерпретаций и политических заявлений, авторы которых весьма далеки от профессионального знания региона. Но адекватное понимание процесса требует знания обстоятельств и фактов. Об этом политолог Нурбол Жанабеков беседует с арабистом Григорием Григорьевичем Косачем, профессором кафедры современного Востока Факультета истории, политологии и права РГГУ, автором книги «Коммунисты Ближнего Востока в СССР. 1920-1930-е годы»¹.

На круглом столе по арабским революциям Вы говорили о новых арабских различинцах как основном ядре сегодняшних освободительных движений. Это поколение людей, получивших европейское образование, но не в Европе, а непосредственно на Ближнем Востоке, не принадлежащих к элите, тесно связывающих свое будущее именно с родными странами, но не имеющих там реальных перспектив. Здесь напрашиваются

параллели с русской интеллигенцией конца XIX века. Хотя, похоже, арабские различинцы добиваются большего успеха, чем русские народники. Насколько социологические параллели подкрепляются сходной идеологической и культурной перспективой? Или здесь сходство заканчивается?

Да, сходство с русскими народниками, несомненно, есть. Чаще принято говорить про арабскую молодежь, но следует помнить, что когда арабы произносят «шабаб» — молодежь, они имеют в виду некую социальную группу, возраст членов которой колеблется от 25 до 35, иногда до 40 лет.

Так случилось, что лицом египетского молодежного движения стал Ваиль Гоним. Он родился в 1980 году, получил бакалаврскую степень по специальности «компьютерная инженерия» в Каирском университете, магистерскую по специальности «менеджмент» в Американском университете в египетской столице, но в стране он так и не смог найти работу. Тем не менее, его заметил Google и предложил Ваилю должность «регионального менеджера» в Дубае. Уже после начала массовых выступлений на площади Тахрир Гоним сказал о себе: «Я не герой. Я только сидел за своим компьютером. Я — клавиатурный борец». В июне 2010 года, ис-

¹ Настоящее интервью первоначально публиковалось в двух частях на сайте «Рабкор.Ру». В настоящем издании публикуется с небольшими сокращениями.

пользуя Facebook, Ваиль Гоним основал страницу «Мы все Халед Саид». В ее название было вынесено имя молодого правозащитника из Александрии, в том же июне 2010 года арестованного службой безопасности и погибшего в тюрьме. К этой странице сразу же присоединились сотни тысяч молодых египтян, считавших, что «настало время самоорганизации». Возникла первая группа молодых активистов, участники которой (как и участники иных групп Facebook) призвали к выступлению против режима. Они и стояли у истоков египетской революции 25 января. Здесь можно как раз вспомнить русских народников с их представлениями о ценности человеческой личности.

Параллели можно продолжить. Египетская молодежь — это патриоты. На площади Тахрир выступал один из наиболее ярких сегодняшних египетских поэтов Абдель Рахман Аль-Абнуди, пишущий на разговорном арабском языке своей страны. Он читал свою поэму «Площадь»: «Египтом правят старики, убивающие свою молодежь. Но Египет — наша страна, и другой у нас нет. Быть может, мы умрем на этой площади, но мы откроем двери нашим детям. Если мы не победим, то это сделают наши дети, свергнув преступный режим». В один из дней событий на площади Тахрир издающаяся в Лондоне общеарабская газета «Аш-Шарк Аль-Аусат» опубликовала «Диалог с молодым человеком на площади Тахрир». Корреспондент газеты задал молодому участнику массовой акции простой вопрос: «Чего ты хочешь?» Ответ был прост: «Я и все, кто здесь находится, хотим, чтобы в нашей стране победила справедливость!»

В региональном масштабе проис-

ходит регенерация «арабской» национальной идеи, — процесс, обычно квалифицируемый ныне как появление «неоарабизма». Его сторонники (как светские, так и апеллирующие к исламской доктрине) ставят вопрос о критическом переосмыслении багажа воззрений, принадлежавших, в частности, Г.А. Насеру с его, как говорят эти люди, неудавшимся экспериментом «национального социализма». Для них речь идет о том, что религия должна занять «достойное» место в «свободном арабском обществе», что «национальное предпринимательство», а не «иностранные монополии» должны стать становым хребтом экономического развития, что государственный сектор будет дополнен «усилиями частного капитала». Разумеется, сторонники «неоарабизма» ставят вопрос о государственной и частнопредпринимательской поддержке социальных программ. Наконец, они говорят о «подлинном национализме», определяемом формированием «гражданского общества» и строительством «правового государства». При этом «арабское будущее» видится им как результат изживания «внешнего диктата», включая и необходимость «положить конец сионистской экспансии». Остается лишь пристально наблюдать за эволюцией событий в этом жизненно важном регионе мира.

Отлична ли культурная парадигма египетской молодежи от культурной парадигмы русских народников? Видимо, да, поскольку в египетском случае эта парадигма отталкивается от доктрины ислама. Это исламская «справедливость». Но разве представления великих религиозных доктрин о «справедливости» так уж различны?

Конечно, для русских народников был характерен антикапитализм. С другой стороны, проблема кризиса, рост числа безработных, резкое падение уровня жизни — все это содействовало вызреванию египетского молодежного движения. Казалось бы, участников движения мало интересовало сохранение традиционных ценностей. Это не выходцы из деревенских сообществ, они — дети городского среднего класса. В одном из своих заявлений «Движение 6 апреля» подчеркивало: «Мы не можем не понимать, что мы живем в эпоху информационных технологий, в эпоху интернета, что мы должны быть открыты всем происходящим в мире социальным, экономическим и политическим изменениям. Мы должны учиться у современного мира, ведь мы так долго жили закрыто. Современный мир воздействует на Египет, но и Египет должен воздействовать на мир. Если мир стремится избавиться от тиранических режимов, то мы хотим быть частью современного мира». Эти слова и не апология капитализма, и не его опровержение. Это слова людей, живущих в другом мире, в другое время, в другой цивилизационной матрице. То есть это уже не аналог народничества.

Однако все намного сложнее. Конечно, вышедшая на площадь Тахрир молодежь выросла в лоне мусульманских ценностей, но ее волновали вполне светские идеалы демократии — введение новой конституции, сокращение срока полномочий президента, проведение свободных общенародных и честных выборов. Это и было частью той мусульманской «справедливости», к которой она призывала. Но странное дело: находившиеся на площади молодые

люди брали из известной им религиозной доктрины лишь то, что соответствует потребностям нынешнего дня. Руководились ли они религиозными мотивами? Скорее нет, они были борниками справедливого устройства общества, или, иными словами, сторонниками «религиозного социализма».

В определенных кругах левых есть тенденция противопоставлять «правильные» революции против «реакционных режимов» в Египте и Тунисе «неправильной» революции в Ливии. Причем применительно к последней люди, которые еще вчера цитировали «Аль-Джазиру» как важнейший и достоверный источник, начинают повторять тезисы госпропаганды о «заговоре СМИ», «присках исламистов» и «руке Америки». Одновременно эти события пытаются представить как «племенной бунт». С вашей точки зрения, насколько специфична ливийская ситуация? Насколько в ней можно видеть ту же тенденцию — выход на первый план молодого разночинца, не связанного с племенной элитой и государственной бюрократией. Насколько социальная политика Каддафи и его переход к приватизации, экспорту капитала и экономическому либерализму подготовили социальный взрыв?

Мнения российских аналитиков (включая и левых), как и российской власти и ее государственной пропаганды, чаще всего вторичны. Некоторое время тому назад известный американский журналист, специалист по проблемам Ближнего Востока и мусульманского мира Томас Фридман писал в «Нью-Йорк таймс», что «классические революции» произош-

ли в Египте и Тунисе, что такая же «классическая революция» возможна в Иране, но не в Ливии, где возможна только «революция племен». Но все же!

Конечно, в Ливии меньше образованной молодежи, чем в Египте или Тунисе. Но началом ливийских событий было то, что ведущие издания арабского мира называли «бунтом в профсоюзе адвокатов». Речь идет о профсоюзной организации, руководитель которой возглавлял, если использовать общепринятый термин, ливийское министерство юстиции, и он ушел со своего поста в знак протеста против, как он считал, «несправедливых судебных решений в отношении молодых людей». Сам же он принадлежит к все той же страте «молодежи», и он сформулировал цели повстанцев. Даже если этот человек, как и тот круг молодежи, выходцы из которого составили Временный совет Ливии, и являются выходцами из местных племенных образований, они, тем не менее, мало связаны с племенной элитой. Также они разорвали отношения, связывавшие их с государственной бюрократией. Иными словами, в Ливии появился новый образованный класс, заявляющий о своих правах. Сегодня эти люди ставят вопросы о будущем страны: какой будет Ливия после революции? Будет ли она монархией (наследник сенуситского престола уже дает интервью различным газетам мира) или республикой? Сохранится ли в будущей Ливии используемый ныне повстанцами флаг сенуситской династии? Сохранит ли страна свое название? Но несомненно одно: все они видят Ливию единой со столицей вовсе не в Бенгази, а в Триполи.

Впрочем, есть и другая сторона ли-

вийской проблемы. Хотя происходящие события — это и не «революция племен» или региональный бунт, тем не менее сначала повстанцы без особых проблем продвигались с востока ливийского побережья в сторону запада потому, что те или иные племенные вожди переходили на их сторону. Границы между зонами расселения племен никак не ограничивали восставших. В дальнейшем же ситуация изменилась. В этом, собственно, и состоит трагедия молодых ливийских разnochинцев. Но признание трагичности их положения вовсе не есть отрицание их роли в революционных событиях, как и не доказательство того, что эти события — далекая от неких «классических» образцов революция, всего лишь племенная бунт.

В этом вопросе присутствует и вторая сторона. Говоря о ней, стоит подчеркнуть, что Ливия — очень закрытая страна. И вот в чем, видимо, состоит реальная проблема. После начала ливийской революции из страны бежали рабочие египтяне, тунисцы, палестинцы, выходцы из Бангладеш или стран черной Африки. Сразу же возникает вопрос, как осуществлялась ливийская приватизация, экономический либерализм, инициировавшийся сыном Каддафи Сейф-уль-Исламом? В экономической жизни Ливии были заняты ливийцы или же они были исключены из нее, получая, как выяснилось, в целом жалкие поддачи власти? Имела ли ливийская молодежь возможность работать? Была ли социальная политика Каддафи направлена на то, чтобы дать этой молодежи возможность получить хорошее образование, обеспечить ее рабочими местами, создать для нее приемлемый уровень жизни? Что стало причиной столь массового

бегства иностранных рабочих? Мне кажется, что то, что эти вопросы возникают, многое говорит о внутриэкономической и социальной ситуации в стране, где царило «джамахирийское народовластие». В равной мере те же вопросы возникают и сейчас, когда при первой же возможности из Ливии (как ранее и из экономически либерального Туниса) в Европу хлынул поток беженцев.

А можно ли сказать, что в Сирии, где власти тоже обещали построить социальное государство, ситуация лучше?

Социальный взрыв произошел и в Сирии. Так, на юго-востоке этой страны уже убивают участников массовых демонстраций, а власть, вдруг опомнившись, заявляет о том, что она начинает проводить реформы. Но, наверное, уже слишком поздно.

Есть ли перспективы возрождения левых сил на арабском Востоке? Смогут ли левые извлечь уроки из своих поражений и из новой революционной волны, которая в значительной мере прошла мимо них? Где в арабских странах можно видеть наиболее заметное присутствие левых, если не на политическом, то хотя бы на культурном уровне? Какими могут быть трансформации левого движения в арабских странах, если у традиционных левых там вообще есть будущее?

Сначала давайте определим, что имеется в виду, когда речь идет о «левых силах на арабском Востоке». Ведь под этими силами можно понимать очень широкий спектр течений, партий и организаций, в силу тех или иных причин и политических соображений квалифицирующихся как «ле-

вые». Это классические коммунисты. Это баасисты Ирака или Сирии. Это также и многочисленные левые националистические группировки. Некоторые из этих «левых» сил были правящими партиями, как, например, Иракские баасисты. Некоторые, как баасисты Сирии, такой партией пока еще остаются, но если начавшееся там протестное движение наберет силу, то сирийскую Партию арабского социалистического возрождения вряд ли ждет светлое будущее. Прежняя правящая партия Туниса, входившая в ряды Социалистического Интернационала, имела в своем названии не только определение «конституционная», но и «социалистическая», но в отношении нее сегодня принято беспрецедентное для арабского мира решение о ее роспуске и конфискации принадлежавшей ей собственности.

Есть коммунисты. В 1970-е годы действия советского руководства, заинтересованного в укреплении контактов с сирийскими баасистами, привели к тому, что Сирийская компартия стала членом возглавлявшегося местным отделением баасистской партии Прогрессивного Национального фронта. Итог — развал сирийской коммунистической партии. А коммунистическая оппозиция, выступавшая против вхождения в блоковые отношения с оппозицией (а это одна из трех действующих ныне в Сирии компартий), подверглась и продолжает подвергаться жестким репрессиям власти. И происходит это едва ли не с благословения тех, кто вошел во Фронт.

Другие же две компартии Сирии (сторонники советской перестройки и ее противники, те, кто считал, что перестройка возникла как итог роста «сионистского влияния» в Советском Союзе) благодаря существованию

Фронта оказались слишком тесно привязаны к режиму и воспринимаются сирийским обществом как его органическая часть. Падение режима может стать и их крушением.

Коммунисты Египта никогда не были сколько-нибудь значимой силой. Сегодня это часть местной партии сторонников Насера, говорящей только о том, что Египет должен играть «предназначенную» ему роль общеарабского объединяющего центра и «безусловного» противника Израиля. Это обычные арабские националисты, что становится особенно отчетливо видно на фоне египетского патриотизма местной молодежи и ее отстраненности от традиционного для арабских националистов видения Израиля как «базы мирового империализма в сердце арабской родины». Это видно даже на фоне сторонников движения «Братьев-мусульман», которые, разумеется, не отказываются от противостояния Израилю, но сейчас считают, что это противостояние станет успешным только тогда, когда Египет станет действительно развитой страной, а его гражданам будет обеспечена «достойная жизнь».

В Тунисе сегодня официально решены несколько «классических» и «неклассических» коммунистических организаций. Но эти организации малы и политически незначительны и вряд ли пройдут в парламент на будущих выборах.

Вплоть до середины 1970-х только коммунисты Ирака могли рассматриваться как вторая по значимости (после баасистов) политическая партия страны. Но это было возможно только потому, что в политической жизни страны они представляли шиитский юг, баасисты — суннитский центр, а

курдские партии, соответственно, север, где шла война. С тех пор в результате их пребывания в идентичном сирийскому Фронте, руководимом баасистами, ситуация изменилась. Место коммунистов на юге Ирака заняли шиитские религиозные партии (куда перешла и часть бывших коммунистов). Сегодня коммунисты — это стагнирующая партия. Равным образом стагнирующей партией являются и коммунисты Ливана.

Хотя арабские коммунисты чаще всего были небольшими, политически незначимыми группами политического действия, они, тем не менее, играли важную роль создателей культурных конструкций, воспринимавшихся другими левыми. Во второй половине 1930-х в фарватере сирийского коммунизма шли основатели баасизма Мишель Афляк и Салах Бейтар. Они то и позаимствовали у коммунистов идею единства арабского мира «от Океана до Залива», как и идею структуры, создающей это «антиимпериалистическое и антифеодальное» единство — общеарабскую партию. Во второй половине 70-х-80-е годы, во время гражданской войны в Ливане, местные коммунисты выработали представление, подхваченное их лево-мусульманскими сторонниками: «Разрушить Ливан как банковско-финансовое маронитское государство», создав условия для «революции на всей территории арабского мира». И что же? Насколько в арабском варианте речь действительно идет о коммунизме, если исходить из смысла выдвигавшихся местными коммунистами идей? Об этом имело бы смысл поговорить. Но это уже другой вопрос.

Гражданская война в Ливии завершилась победой повстанцев. Для большинства российских комментаторов и аналитиков это оказалось совершеннейшей неожиданностью. Сейчас успех повстанцев приписывается исключительно поддержке НАТО, хотя те же эксперты еще буквально за несколько дней и даже часов до августовского перелома в боевых действиях говорили о полном провале и неэффективности натовской воздушной операции. Однако вопросы остаются в любом случае. Как вы оцениваете значение интервенции, насколько она определила исход событий. В военном плане можно ли говорить, что войну выиграл Запад, а повстанцы оказались его орудием?

В новой для страны ситуации вопрос, который касается роли НАТО в ливийских событиях, ушел в прошлое, став едва ли не предметом академических исследований. Если он сегодня кого-то и волнует, то в основном российских комментаторов и аналитиков. И объясняется это не столько желанием найти истину, сколько фобиями и страхами самих экспертов, как и желанием стоящих за ними структур оправдать постигшую их неудачу.

Есть, тем не менее, некоторая данность. Она состоит в том, что (хотя бы люди или нет) любая попытка представить развитие положения в Ливии как итог вмешательства НАТО направлена на то, чтобы придать повстанцам, а также представляющим их институтам, образ сателлита Запада. Получается, что все события разворачиваются как бы в обратном порядке. Не восстание привело к

вмешательству Запада, а наоборот Запад не только вызвал к жизни противников Каддафи, но и обеспечил их победу. Между тем, есть все же хронологическая последовательность развития событий, их внутренняя логика. Едва ли Запад был заинтересован в том, чтобы в Ливии произошли серьезные потрясения. Несмотря на эпизодически возникавшие кризисы в отношениях с этой страной, режим Каддафи оставался предсказуемым и, более того, пусть и зигзагообразно, но проводил курс на экономическую либерализацию, опираясь на помощь и поддержку, в первую очередь, своих ближайших европейских соседей. Наконец, уже в конце 1980-х гг. риторика ливийского «вождя» начала претерпевать серьезные изменения. Каддафи стал говорить о «правах человека», а в дальнейшем и об участии во «всемирной борьбе с терроризмом».

Поддержке ливийских повстанцев предшествовала поддержка Западом революционных изменений в Тунисе и Египте, многочисленные заявления лидеров европейских стран и Соединенных Штатов о нарушении гражданских прав в Бахрейне, как и о необходимости поиска путей к диалогу с местными оппозиционными силами. Более того, все это предвляла западная же идея реформ в границах «Расширенного Ближнего Востока» (по инерции квалифицировавшаяся российскими аналитиками и комментаторами в качестве рецидива неокOLONиализма). Традиционным союзникам Соединенных Штатов и ведущих держав Европейского Союза в арабском мире открыто говорили, что отказ от социально-экономических и политических реформ вызовет крушение местных авторитарных режимов. Поддержав ливийских повстанцев,

Запад действовал на опережение, во все не считая возможным безучастно наблюдать за потенциальной возможностью погружения страны в хаос.

Повстанцы со своей стороны — политически «малая сила» — нуждались во внешней поддержке. И здесь нет никаких оснований противопоставлять Египет и Ливию. Ту же ситуацию мы наблюдаем в Тунисе и Египте, так происходит в Сирии, где местная оппозиция призывает к западному вооруженному вмешательству. Но это вовсе не означало, что они превращались в сателлита Запада. Его поддержка была им нужна лишь в определенное время и в определенном месте, что предполагало (как это доказывают события сегодняшнего дня), что они будут сохранять свободу действий в решении тех вопросов, которые они заранее определили как сферу собственной компетенции. Уже само участие представителей НПС в происходивших в течение гражданской войны встречах и совещаниях (в Дохе, как и в европейских столицах), их выступления и занимаемые ими позиции не только показали, что это игрок, самостоятельно принимающий решения о своих контактах с теми, в ком он видит союзников, а не покровителей, заключая с ними на собственных условиях соглашения о поставках вооружения, логистическом обеспечении боевых действий, обмене информацией, как и о политической поддержке.

И наконец, именно повстанцы вели наземные операции. Исход битвы решается на земле, а не на небе. Особо в условиях пустыни.

Ливию в России представляют отсталым племенным обществом, которому сейчас прочат распад и

катаклизмы. Правда, одновременно многие говорят об успехах социального государства, созданного Каддафи. Были ли эти успехи реальностью? А если да, как изменили они структуру общества? Не подорвали ли они тот самый баланс сил, на котором основывалась стабильность режима?

Да, конечно, племенная структура — качественная характеристика ливийского социума (но равным образом это относится едва ли не ко всем арабским странам — от Марокко до государств Залива, Иордании или Ирака). Однако значение этой характеристики не должно ни преуменьшаться, ни преувеличиваться.

Ливийская племенная структура подвижна. В обозримой исторической ретроспективе она подвергалась воздействию мощных, уменьшавших ее общественную роль внешних и внутренних вызовов. На побережье современной Ливии — часть Османской империи — были распространены реформы времени танзимата. На востоке нынешней страны — в Киренаике действовал орден сенуситов, давшей ей впоследствии королевскую семью, стремившийся искоренить межплеменные противоречия обращением к нивелирующему общественные различия исламу. В свою очередь, эволюция Триполитании, более открытой внешним воздействиям, приводила к выдвиганию крупных торговых семей, стремившихся в начале XX столетия создать в ее границах собственные квазиреспубликанские (и, естественно, надплеменные) институты власти. Итальянское вторжение (первоначально в Триполитанию содействовало оформлению ливийского единства, в дальнейшем же, в эпоху Италии Муссолини, начала

складываться единая Ливия (это название — не более чем напоминание о временах Римской империи, столь дорогих для идеологов итальянского экспансионизма). Тогда же возникла значительная итальянская переселенческая колония, что бросало мощный вызов местной племенной структуре.

Символ антиитальянского сопротивления — шахид, герой-мученик Омар Аль-Мухтар — ливиец, а не выходец из какого-либо региона или племенного союза. Каддафи и его сторонники, осуществляя под панарабскими лозунгами (и следуя примеру Г.А. Насера) антимонархический переворот, действовали как арабы-либийцы, а не сторонники того или иного клана. Если обратиться к сайту НПС (где ныне помещен портрет О. Аль-Мухтара), то можно без труда заметить раздел, связанный с принесением клятвы-присяги верности Переходному Совету, — если в Киренаике эту клятву приносили, прежде всего, племенные лидеры, то по мере продвижения на запад, в сторону Триполитании их все чаще меняли представители советов, сформированных жителями городов.

Другой вопрос, джамахирийская модель государственного устройства, к которой бывший вождь пришел не сразу, регенерировала и воскрешала кланово-племенные общественные структуры, создавая (но также не сразу) из племени каддафи центральное звено социума, хотя бы потому, что выходцы из этого племени последовательно занимали наиболее существенные государственные посты, а прежние соратники Каддафи постепенно теряли власть. Это пока еще «традиционный» путь развития арабского революционера, вне зависимости от того, исповедует ли он

панарабский национализм или заявляет о своей приверженности марксизму или «чистому» исламу. Однако и это обстоятельство ни в коей мере не доказывает несокрушимость племенных структур в Ливии, как и где-либо на Арабском Востоке. Забота о сохранении личной власти, устремленность к немедленному изживанию любой идеологической «ереси» (в ливийском случае — идеи, противоречащих Зеленой Книге и «третьей мировой теории») — все это обрекает власть на существование в вакууме, когда обращение к «братьям по племени» видится прагматически наиболее рациональным выходом из складывающегося положения. Но если эти «братья» выдвигаются вперед, если они монополизируют ключевые полномочия, то режим не может не подрывать собственную стабильность. Нефтеносные и нефтедобывающие районы Киренаики оказались не представленными во власти, что означает лишь, что эти районы стали в большей мере стагнирующими, чем Триполитания, а точнее — те районы этой исторической провинции, где проживает племя каддафи и аффилированные с ним кланы.

Постреволюционную Ливию, как говорят все те же российские эксперты, «ожидает распад и катаклизмы»? Но почему-то среди этих экспертов не было ни одного арабиста и, тем более, специалиста по Ливии, анализирующего ситуацию в данной стране. Вместо исследования ситуации в Африке мы видим очередное представление фобий, связанных с образом «лицемерного» и «коварного» Запада, ищущего способы разрушить «тысячелетнюю Россию». Как говорил один из этих экспертов, сначала был «уничтожен первый эшелон

обороны» — Советский Союз, затем «второй» — «социалистическое содружество», наконец уничтожается «третий» — «режимы-союзники России». Но сразу же возникает простой вопрос — зачем так изощренно? И почему именно в таком нелогичном порядке — от центра к периферии, а не наоборот?

Участники начавшихся в Киренаике событий отнюдь не стремились создать собственное, обеспеченное значительными запасами углеводородов, а потому богатое государство, напротив, они были устремлены на запад, говоря об «освобождении Ливии от тирании», о единой «Ливийской республике». Они не провозглашали столицей будущей «свободной Ливии» Бенгази, считая, что ею может быть только Триполи. Выдвинутые ими уже в начале восстания лозунги доказывали их уверенность в необходимости сохранить единство страны: «Ливия — одно объединенное национальным единством племя» (риторика «Зеленой книги» здесь явно «присвоена» революционерами), «Не допустим раскола Ливии», «Ливийский народ! Сохрани свое общее достояние — ливийское государство. Оно отныне действительно в твоих руках, а не потому, что так говорил «дьявольский лицемер (Каддафи — Г.К.)»». Повстанцы воскрешали знаменитый лозунг О. Аль-Мухтара: «Мы не сдадимся, а победим или погибнем». Общенациональный герой обретал черты символа «революции 17 февраля». Определяя Переходный совет как орган новой власти, они говорили «об освобождении всей территории ливийского государства — от Умм-Саида на востоке до Рас-Аджира на востоке, от Сирта на севере до Аль-Катруна на юге», провоз-

глашая Триполи «вечной столицей» страны.

Разумеется, в рядах нынешней ливийской власти будут вспыхивать противоречия (они проявлялись уже в ходе военных действий). Перед повстанцами стоит серьезный, но вполне понятый и объяснимый вопрос — нежелание Сирта сдаться их отрядам. Они должны будут думать (и уже думают) о будущей системе государственного устройства — станет ли Ливия федерацией или сохранит статус унитарного государства, как и о формах, методах и пропорциях распределения нефтегазовых доходов государства. Что впереди? «Катаклизмы» или путь к достижению общенационального консенсуса? Думаю, что второе более вероятно.

Есть другая сторона вопроса. Ливия была по африканским масштабам сравнительно благополучной страной. Что будет с социальными программами, с «позитивной» частью наследия режима Каддафи — в сфере образования, здравоохранения и т.д.?

У вопроса о ливийском «социальном государстве» немало аспектов. Во-первых, внутренняя политика Каддафи прошла, по меньшей мере, через два этапа. Если до конца 1980-х гг. его режим осуществлял джамахиризацию страны, понимавшуюся как полное огосударствление (под антизападническими лозунгами) всех сфер экономики, создание идеологизированной (конечно, бесплатной) школы, введение бесплатного здравоохранения, развитие широкого жилищного строительства в городах, национализацию всех средств массовой информации и т.п., то 1990-е гг. явили иную картину эволюции страны. Мы

видим процесс экономической либерализации и восстановления контактов с Западом (включая и тесное сотрудничество ливийской разведки с ее аналогами в Соединенных Штатах и Великобритании). При этом «третья мировая теория» все так же выступала как инструмент оправдания движения в этом направлении.

Во-вторых, недавний ливийский режим был, несомненно, орудием модернизации страны. Потребность в создании национальных кадров, необходимых для реализации масштабных проектов, определила развитие процесса мощной социальной трансформации и мобильности, вызвав огромную миграцию в города с их бесплатным жильем и рост числа школьников и студентов. Ливийская племенная структура, хотя и консервировавшаяся, поскольку это отвечало интересам джамахирийской теории, пусть медленно и непоследовательно, но теряла свое значение. Другое дело, что этот процесс сопровождался ростом роли племени Каддафи, но это лишь обостряло противоречие. Было ясно, что рано или поздно режим должен был вступить в конфликт с обществом, которое изменилось и модернизировалось под влиянием его собственной политики.

Начавшаяся в 1990-е годы экономическая либерализация нанесла ощутимый удар по «социальному государству» первых лет существования Джамахирии. Учитывая, что доходы от экспорта углеводородов концентрировались в руках государства, социальные программы были далеко не столь значительными, как можно ожидать. Суммы, выделявшиеся на образование, здравоохранение или реализацию жилищной политики официальной ливийской статистикой

преувеличивались. Иное дело, что на фоне многих стран-соседей положение ливийцев выглядело неплохим. Но в условиях, когда реально все средства находились в руках Каддафи и его окружения, речь могла идти только лишь о поддержании «скромного достоинства» граждан. Улицы Триполи были полны бессмысленно фланирующей молодежи, у которой просто не было работы. И если ранее не работавшие ливийские женщины становятся горничными гостиниц, то происходит это от того, что их мужья не могут обеспечить свои семьи. Одновременно в Ливию продолжала импортироваться бесправная иностранная рабочая сила.

Ливийское «социальное государство» уничтожил сам «вождь». Привычный взгляд постсоветского человека был способен легко определить в Триполи времени Каддафи кварталы местной «номенклатуры». Но и не только постсоветский человек мог видеть в потоке не очень многочисленных и старых машин самые современные и дорогие модели известных автомобильных фирм. Их вели, превышая дозволённую скорость, молодые люди — «золотая молодежь», дети этой «номенклатуры». Общество расслаивалось еще в дореволюционную эпоху. Задачей новой власти должно будет стать восстановление прежних социальных программ, поскольку это путь к ее укреплению и стабилизации. Другой вопрос, можно и нужно ли все эти программы восстанавливать в первоначальной форме и объеме.

Можно ли говорить о ливийских повстанцах, как о выразителях каких-то региональных или племенных интересов. Если да, то каких? Идет ли речь о войне восточных кланов против западных? Или

мы, напротив, имеем дело с общественным переворотом, формирующим некое подобие современной интегрированной нации?

Вопрос остается открытым. Самое худшее, что может случиться с лидерами нынешней революции, это то, что они повторяют путь самого Каддафи. Сегодня они устремлены к сохранению общенационального единства, «присваивают» общенациональные символы и стремятся утвердиться в Триполи. Но они могут столкнуться с традиционной для этих революционеров альтернативой — сохранить свой общенациональный выбор, действуя достижению вселивийского консенсуса или же обратиться к поддержке собственных кланов.

Вместе с тем, НПС (что доказывают его документы) создавался как орган, в котором представлены «различные города Ливии — от востока до запада, от севера до юга». Перечисляя города происхождения членов этого Совета (имена большинства из них по соображениям безопасности не были названы), эти документы первоначально не называли, в частности, Сирт, Бани-эль-Валид или города юга, лишь подчеркивая, что «Совет ожидает кооптации в свой состав представителей центра, юга и Триполи». В дальнейшем же в составе Совета появился уроженец (и «представитель») Сирта, инженер на нефтепромыслах киренаикского Рас-Лануфа. В своем абсолютном большинстве представленные в НПС люди пока что являются уроженцами Киренаики. Немалая их часть — выпускники основанного еще в 1955 г. старейшего университета страны — Ливийского университета, расположенного в пригороде Бенгази Кар-Юнисе. При этом высшее звено этого органа власти

включает в себя, по крайней мере на сегодняшний день, не только постоянных резидентов страны (Мустафа Абдель Джалиль тому пример), но и деятелей эмигрантской оппозиции (в частности, уроженец Триполи Махмуд Джибриль).

Руководители повстанческих вооруженных отрядов, действующих под контролем НПС, в определенной мере, представляют иной слой противников Каддафи. Его стоило бы (при всех возможных неточностях и оговорках) назвать сторонником ислама. Скорее всего, ведущей фигурой этого крыла повстанцев является, как его недавно называли обе ведущие газеты арабского мира, издающиеся в Лондоне, — «Аш-Шарк Аль-Аусат» и «Аль-Хайят» — «военный командующий Триполи» Абдель Хаким Бельхадж. В 1980-е гг. этот человек сражался с советскими войсками в Афганистане, а, вернувшись на родину, создал «Сражающуюся ливийскую исламскую группу», целью которой было свержение режима Каддафи. Эта группа взяла на себя ответственность за несколько покушений на «вождя». Ответные карательные акции режима заставили Бельхаджа покинуть Ливию. В 2004 г. он был арестован в Малайзии и переправлен в Таиланд, где с ним «работали» представители ЦРУ. В дальнейшем же он был депортирован в Ливию и помещен в тюрьму Триполи. В 2010 г. Бельхадж был помилован и сразу же примкнул к оппозиционному подполью.

Присутствие сторонников исламской идеи в рядах повстанцев (Бельхадж тому не единственный пример) позволяло многим экспертам считать, что падение ливийского режима открывает исламистам путь к власти (в этом же русле действовала и джа-

махирийская пропаганда). Все же в опубликованном 3 сентября 2011 г. в «Аш-Шарк Аль-Аусат» интервью Бельхадж категорически отвергал существование каких-либо связей между «Сражающейся ливийской исламской группой» (внесенной государственным департаментом Соединенных Штатов в список «террористических организаций») и Аль-Каидой, утверждая, что еще в Афганистане он отверг предложение Усамы бен Ладена о вступлении в эту организацию, считая, что «ее джихадистские методы неприемлемы в современном мире», и концентрируя свои усилия «исключительно на освобождении Ливии и ливийского народа». Говоря о НПС, Бельхадж подчеркивал, что повстанцы — «сыновья сегодняшнего дня, а не прошлого, они объединены единой целью — обеспечить безопасность Ливии и всего мира». Он говорил о «построении гражданского общества», о «демократии», о том, что он не испытывает «вражды к Западу», хотя в Таиланде он был «подвергнут жестоким пыткам».

Затем Бельхадж взаимодействовал с НАТО, пытаясь поймать Каддафи. Однако публичное появление на переднем плане Бельхаджа и людей, похожих на него, многое меняет. Они опираются на вооруженную мощь. Насколько в этой связи они «персонажи второго плана»? Скорее всего, они уже сейчас требуют большей степени участия в формировании политики, хотя бы потому, что говорят об исламе как о «всеобъемлющем решении». Более того, слова Бельхаджа очевидно доказывают, что исламисты, не только в Ливии, но и повсюду, — национальная сила, а вовсе не мифический «зеленый Интернационал». Их взаимодействие с

ядром НПС, программные документы которого (речь идет об уже обнародованном «конституционном документе», включающем «Дорожную карту» создания постоянных органов власти) пока еще далеки от того, чтобы рассматриваться в качестве планов конкретного социально-экономического действия. Но вот что интересно: если посмотреть на то конкретное содержание, которым наполняют исламские активисты свои лозунги и документы, то его, сохраняя все пропорции, видимо, можно назвать «левым». В любом случае, ислам — мощное начало, объединяющее Ливию. Его включение в социально-экономическую и политическую практику будущего кажется неизбежным. Уже сейчас основной документ НПС «Видение демократической Ливии» подчеркивает в частности, что будущее «гражданское конституционное государство будет уважать святость религиозной доктрины» (речь идет, разумеется, об исламе). Между ядром НПС и военными командирами повстанцев нет непроходимой границы — М. Абдель Джалиль — специалист по шариатскому праву. Если это взаимодействие будет сохранено, то оба действующих игрока ливийской революции: и ядро НПС, и выросшие из исламской среды военные командиры смогут создать абрис современной интегрированной нации.

Активисты, действующие под лозунгами ислама, постепенно формируют свою повестку дня, отвечая на конкретные вопросы времени. Когда же российские эксперты рассуждают о том, что к власти в переживших (или переживающих) революционные потрясения арабских странах пришли «бородатые исламские радикалы», то они вновь демонстрируют соб-

ственные страхи, отражающие в том числе и неумение нашего собственного государства строить политику в арабском мире, исходя из его реальной ситуации, а не из мифов о нем. Увы, но России придется привыкать к происходящим изменениям и строить свои отношения (если она действительно хочет присутствовать на арабском Востоке) с теми силами, которые становятся неотъемлемым элементом тамошних политических структур.

Некоторые российские эксперты объясняют произошедшее тем, что бедуины и кочевники, населяющие Ливию, просто не хотят и не могут в современных условиях работать, а могут только воевать. Как вы прокомментируете подобные высказывания?

Слова российских экспертов о том, что то, что произошло в Ливии — следствие нежелания местного населения «работать», поскольку они «кочевники», всего лишь доказывают, насколько глубок русский расизм (лишь укрепляющийся благодаря риторике власти, церкви и иных государственных и общественных институтов). Это во многом объясняет и быстрое «избавление» от интернационалистского флера советского времени. Кстати говоря, зараженность расизмом ярко проявляла себя и в российской эмигрантской среде позднего советского и постсоветского времени, хотя часто эта среда этнически (стоит вспомнить ленинские слова об «обрусевших инородцах») не является русской. Комментировать такого рода высказывания не имеет смысла.

Непонятно только одно, зачем же России с ее неумелой политикой в дни ливийского кризиса так необхо-

димо ныне устанавливать отношения с этими «бедуинами», а ее экспертам рассуждать о том, что «получит» (термин современного российского дискурса!) их страна в Ливии, и жаловаться на западное «коварство». Как будто бы Запад заставил высших руководителей НПС заявлять о том, что они отдадут предпочтение тем, кто поддержал их борьбу, жестко подчеркивая, что «Россия, Индия и Бразилия» (затем в этот список была добавлена и Южная Африка) станут «аутсайдерами». Как будто бы российские компании не должны конкурировать с их западными аналогами, проявляя мобильность, побеждая в тендерах, демонстрируя свою прозрачность. Нет, все та же история «получения» или, говоря иначе, взятки, подкупа и опоры на политическое лоббирование со стороны высшего руководства! Поразительно и другое обстоятельство, подтверждающее кредо современного российского бизнеса «деньги не пахнут», — получить прибыль можно, даже продавая уже устаревшее вооружение внутренне презираемым «цивилизованными» россиянами «бедуинам».

Как вам кажется, движется ли революционная волна на Север?

Если вы имеете в виду, говоря о Севере, постсоветские страны, включая и Россию, то там повсюду существуют основания для революций, прошедших в регионе арабского мира. Это nepoтизм, коррупция, бедность, региональные и этнические (окрашиваемые и в конфессиональные тона) разломы. Повсюду есть и молодежь, которая может с помощью тех же технических средств устроить в России свою площадь Тахрир.